

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
доктора исторических наук Боковой Веры Михайловны
на диссертацию Арискиной Юлии Эдуардовны
на тему: «Негласный комитет: истоки реформаторской
политики Александра I», представленную на соискание ученой
степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Тема диссертационного исследования Ю.Э. Арискиной актуальна и востребована современной исторической наукой, что обусловлено интересом к технологии и идеологии реформ вообще и конкретно – реформ Александровского времени, открывшего большинство социально-политических и идеологических процессов XIX века, а также непреходящим вниманием к истории российского конституционализма.

В первые годы XIX в. в России происходило перерастание самодержавной феодальной государственности в абсолютизм и его модернизация по европейским образцам, формирование принципов регламентации отношения сословий к самодержавной монархии и сословий между собой; усвоение и переложение на российские реалии просветительных идей законности, представительного правления, прав и свобод личности и т.д. Потребность в модернизации русского государственного строя, ярко проявившаяся в период царствования императора Александра I, опиралась именно на эти европейские идеи, применяемые к внутрироссийским административным и правовым потребностям. При этом исходный смысл идеи и института, при формальном сходстве исходных и производных положений, коренным образом менялся.

Государственное и социальное строительство Александровского времени стало завершением длительного периода оформления и закрепления российского самодержавия в том его виде, какой сложился на протяжении XVIII столетия.

Все эти проблемы являются предметом диссертационного исследования Ю.Э. Арискиной.

Проблемы реформ начала XIX в., специфики абсолютизма Александровского образца и русского конституционализма, а в этом контексте – деятельности Негласного комитета, неоднократно вызывали исследовательский интерес. Собственно Негласный комитет в той или иной степени рассматривался в большинстве биографических работ об Александре I (в том числе в монографиях М.И.Богдановича, Н.К.Шильдера и др.), а также специально – в работах вел. кн. Николая Михайловича, А.В.Предтеченского, Н.В.Минаевой, М.М.Сафонова и других авторов.

Представленная диссертация – комплексное исследование общественно-политических, правовых и социальных аспектов внутренней политики Александра I, воплощенных в деятельности Негласного комитета.

Автор детально рассматривает процесс подготовки преобразований первых лет XIX в., анализирует причины их реализации или отказа от проведения. Данный анализ позволяет сделать выводы об особенностях процессов реформирования в исследуемый период, обозначить механизмы адаптации европейского политического опыта к русским реалиям, выявить идеологические и социальные аспекты реформ Александра I.

В число задач исследования автор включает рассмотрение внутренней истории и подробностей деятельности Негласного комитета за наиболее активный и обеспеченный источниками период 1801-1802 гг., выявить преемственность его деятельности по отношению к наследию

предшествующего столетия и обозначить идейные основы реформ и их связь с европейскими политико-правовыми теориями и конкретными текстами.

Объектом исследования становятся не только реформы как таковые, но и комплекс сопутствующих явлений: замысел, мотивация, механизмы подготовки, наличие различных точек зрения внутри и вне Негласного комитета. Изучение избранного сюжета производится на стыке истории, юриспруденции, отчасти философии и лингвистики, что обуславливает новизну подхода.

Диссертация состоит из Введения с источниковедческим и историографическим обзорами, трех глав и заключения. Структура работы отражает ее содержание и поставленные задачи.

В работе над диссертацией автором основательно проработаны так называемые «Протоколы» Негласного комитета и сопутствующие им материалы из архива П.А.Строганова, в том числе неопубликованные. В дополнение к ним автор использовала целый ряд политических проектов и записок, составленных как членами Негласного комитета, так и привлекавшимися к его работе лицами (А.Р.Воронцовым, Г.Р.Державиным), также переписку Александра I с Ф.-Ц. Лагарпом и источники мемуарного и официального характера.

Автор обнаруживает основательное знакомство с базовыми европейскими политическими и философскими сочинениями XVIII в. и документами эпохи Великой французской революции.

Историографический обзор демонстрирует хорошее знакомство автора с литературой вопроса. Вне внимания диссертантки остались очень немногие работы, такие, как: Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970 (большой раздел о П.А.Строганове); Манаев Г.Г. Правительствующий Сенат в начале XIX века: подготовка и реализация реформы 1805 года // Российская история. 2009. № 4; Николаенко П.Д. Князь В.П.Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009; Шепелев Л.Е.

Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007 (публикация одной из записок Н.Н.Новосильцева), недавняя (2011) докторская диссертация Н.В.Коршуновой «Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: замысел и механизмы реализации» и ее же статьи.

Первая глава диссертации Ю.Э. Арискиной: «Негласный комитет: организация и механизмы функционирования» повествует о формировании круга «молодых друзей» великого князя Александра Павловича, о возникновении собственно Негласного комитета, о круге лиц, вовлеченных в его деятельность, о принципах и ходе работы комитета в 1801-1802 гг., о соотнесенности ее с деятельностью Непременного совета и т.д.

Автор справедливо указывает на вовлеченность в работу Негласного комитета различных придворных группировок, а также своего рода независимых экспертов; расширяет сферу работы комитета за счет подготовительных к написанию проектов и записок мероприятий: сбора сведений, консультаций и пр.

Особый интерес и немалую ценность в этом разделе представляют разработанные и составленные автором наглядные таблицы обстоятельств и тематики заседаний комитета и представленных к обсуждению проектов (§§ 4 и 5 гл. 1).

Во второй главе «Административные реформы Александра I и Негласный комитет» рассматриваются идейные основы административных преобразований, связанных с Негласным комитетом, и их реализация в рамках сенатской и министерской реформ. Автор справедливо указывает на влияние философии Просвещения и в частности работы Ш.Монтескье на мировоззрение Александра I и его друзей и на конкретные проекты административных реформ.

Автором скрупулезно рассмотрены подробности подготовки сенатской и министерской реформ со всеми их «подводными камнями»,

обусловившими в конечном итоге значительное снижение радикальности этих преобразований по сравнению с первоначальным замыслом.

В этой главе особенно следует отметить превосходно написанный очерк эволюции российской администрации в XVIII в., вызвавшей потребность в преобразовании. (§ 1 гл. 2).

Страницы, посвященные влиянию европейской просветительной литературы на российское реформаторство второй половины XVIII – начала XIX в. представляются несколько более слабыми, так как сам процесс идейного влияния выглядит у автора слегка упрощенным. Само по себе влияние европейской просветительной мысли в России бесспорно и очевидно. В особенности это касается политологической доктрины Ш.Монтескье, сформулированной в его работе «О духе законов» (1743). К екатерининскому времени (и во многом благодаря «Наказу Уложенной комиссии» самой Екатерины, широко использовавшей текст Монтескье) основные положения трактата, известного в России как в оригинале, так и в нескольких переводах, превратились в своего рода базовые. Понятия о республике, тирании и монархии, о разделении властей, представительстве и т.п. россияне XVIII века усваивали именно «по Монтескье», даже если сами не читали его книги. Сама же концепция этого автора, несмотря на очевидные несостыковки (Монтескье в равной степени относил к «монархии» такие различные формы правления, как самодержавие и конституционная монархия) выглядела в глазах современников и ближайших потомков как стройная и логичная классификация. В итоге политические представления всех тех россиян, которые давали себе труд размышлять о политических и социальных проблемах, оперировали именно трактовками Монтескье. Теория Монтескье лежала в основе и школьного образования, и публицистики и была уже к концу XVIII в. основательно адаптирована для «массового» использования.

В равной степени в России были востребованы характерные для просветительской философии принцип освоения мира через Разум и Просвещение, что превратило для русских деятелей просветительную философию в основу мировоззрения, оставлявшую место практически любым политическим взглядам, а также как религиозному безверию, так и вере. Просветительские принципы становились основой самого широкого спектра воззрений – от левого радикализма до консерватизма. Просветительская база обнаруживается в мировоззрении самых разных персонажей – от А.Н.Радищева, Е.Р.Дашковой и М.М.Щербатова до М.М.Сперанского, Н.М.Карамзина, А.С.Шишкова, многих декабристов.

Общая мировоззренческая основа обусловила использование общих базовых понятий и вообще гносеологические совпадения в документах, исходящих из разных идейных лагерей. По этой причине, даже «осудив революцию» и карая Радищева, Екатерина «осталась поклонницей просветительских теорий» не только «в воспоминаниях» (с. 148), но и по сути.

Равным образом, просветителем по типу мышления был Павел I, даже проводя «запретительную политику». (Поскольку «мнения правят миром», следовало не допускать проникновения мнений).

Таким образом, просветительские теории в России не сводились лишь к руководству действиями (с. 147 и след.), которые можно было как принять, так и отодвинуть в сторону при смене конъюнктуры. Это относилось и к Екатерине, и к Павлу, и к Александру, равно как и к другим политическим и общественным деятелям их эпох.

Уже в конце XVIII в., не говоря о начале XIX-го, терминология и круг понятий просветительства широко использовались в частной переписке, журналистике, художественной литературе, даже в делопроизводстве.

В этой связи «пути западного влияния» (с. 145) не сводились к прочитанной книге или общению с конкретным иностранцем, так же, как

и к путешествиям или влиянию либерально мыслящих наставников. У Лагарпа, помимо Александра, был еще один ученик – великий князь Константин Павлович. Учили и воспитывали обоих одинаково, но результаты получились очень разными. К слову, Лагарп был не единственным либеральным наставником великих князей. Вся их воспитательная система была выдержана в либеральном духе – отсюда и появление в числе наставников руссоиста М.Н.Муравьева, и религиозная индифферентность законоучителя А.А.Самборского и т.п., а сверх того, воспитывало то, что в те времена принято было называть «духом времени». Это, понятно, не исключает прямого обращения Александра и членов Негласного комитета к конкретным документам, таким, как «Декларация прав человека и гражданина» и др., что точно и убедительно показано автором в главе 3.

В третьей главе – «Сословная политика Александра I и Негласный комитет» - рассмотрены социальные реформы, связанные с деятельностью комитета, имевшие целью расширение социальной опоры императорской власти и ее укрепление.

Автор убедительно и справедливо показывает, что меры в этом направлении были направлены на постепенное подчинение дворянского сословия власти императора.

Внимательное рассмотрение работ комитета над крестьянским вопросом подтверждает вывод автора о том, что в Негласном комитете впервые была предпринята попытка реализовать крестьянский план собственно Александра I и, несмотря на крайне ограниченный результат, она свидетельствовала о намерении императора продемонстрировать обществу определенное стремление к ликвидации крепостного состояния.

Весьма интересны приводимые автором сведения о том, что Ф.-Ц.Лагарп одним из первых предложил разрешение крестьянского вопроса путем введения вечнонаследственной аренды и «Черного кодекса», т.е. варианта, который нашел реализацию не только в ходе более поздней

аграрной реформы в Прибалтике (на что указывает диссертантка), но еще в 1803 г. был предложен, в частности, А.М.Бакуниным в его проекте «Условие помещиков с крестьянами», представленном императору, а позднее неоднократно варьировавшемся в проектах разных лиц, в том числе В.Н. Каразина и декабриста Н.М.Муравьева (в его «Конституции»).

Немалый интерес представляет §3 главы 3, посвященный анализу конституционных идей в Негласном комитете и содержащий любопытные наблюдения автора над самим смыслом понятия «конституция». Ценность этих наблюдений усиливается ввиду все еще недостаточной проработанности понятийно-терминологического аппарата эпохи.

Глава 3 включает замечательный, хорошо продуманный и написанный анализ «Всемилоостивейшей грамоты Российскому народу жалуемой».

В целом выводы и наблюдения автора складываются в единую концепцию, цельную и убедительную.

Работа, безусловно, не свободна и от недостатков. Так, главу 1 отличает некоторая композиционная рыхлость: автор трижды (на с. 55-58, 74-78 и 109-116) в различных параграфах представляет читателю участников Негласного комитета и причастных к его работе лиц, причем биографические данные частично дублируются. Просится сведение всех этих справок в единое целое где-нибудь в первом параграфе, а также дополнение их сведениями о политических позициях персонажей, а также о той части их биографии, которая выходит за рамки деятельности Негласного комитета. Вообще вопрос об идейных расхождениях Александра и его сотрудников, как представляется, не всегда в должной мере проработан автором и наличие идейных расхождений в комитете и вокруг него недостаточно акцентируется, что было бы не лишним.

Стоит отметить, что автор слишком буквально воспринимает «молодость» участников комитета. «Молодыми» друзья Александра были

только с точки зрения престарелых вельмож екатерининского века. Для начала XIX века тридцатилетний человек относился к среднему возрасту (сорокапятилетний считался уже пожилым), а все участники комитета, за исключением 23-летнего императора, либо подошли к этому рубежу, либо далеко за него перешагнули. В комитете заседали и спорили не юные идеалисты, а взрослые и достаточно опытные, что бы ни писала автор (с. 94), государственные люди. Для эпохи характерна прямая связь молодости и радикализма: после тридцати наблюдалось почти поголовное «остывание» и поворот к консерватизму. Александр был радикальнее своих друзей, в том числе и в силу возраста.

Представляется, что автор несколько преувеличивает «неустойчивость» положения Александра I в первые месяцы его правления, что смещает акценты в определении побудительных причин Александровских реформ («удержать власть и сохранить жизнь»). Стоило бы обратить внимание на общественные настроения этого времени, которые в данном контексте принципиально важны. Наличие явной либеральной тенденции в обществе, вал политического сочинительства в реформаторском духе, отчасти инспирированный самим монархом, исключительная популярность Александра в массе населения (о чем есть множество свидетельств) – все это давало императору все основания, так сказать, «обращаться к нации поверх голов царедворцев». Именно опираясь на общественную поддержку, он, в частности, удалил участников переворота. То, что сторонников реформ не видел в русском обществе иностранец Лагарп, не удивительно: в России отсутствовали привычные европейцу структуры, осуществляющие обратную связь между обществом и властью. Сама же подобная связь существовала, в частности, в виде постоянно действующего при Александре неформального своего рода «общественного консультанта», помогающего ему контролировать общественную реакцию на проводившийся курс. В

этой роли последовательно выступали В.Н. Каразин, М.М.Философов, Н.М.Карамзин и др.

На с. 67 автор упоминает о некоем «доносчике» П.Е.Батурине, погубившем кружок великого князя. Не вдаваясь в подробности, хотелось бы указать, что Батурин имел отношение к известному смоленскому «кружку А.М. Каховского», история которого завязана не только с кругом «молодых друзей», но также с братьями П.А. и Н.А. Зубовыми и А.В.Суворовым. Учитывая то влияние, которое процесс по делу кружка имел на судьбы «молодых друзей», следовало бы, вероятно, сослаться на соответствующую литературу (она довольно обширна; см., в частности: Рябков Г.Т. Ранняя преддекабристская организация (к истории кружка А.М. Каховского) // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963; Эйдельман Н.Я. Дворцовый заговор 1797-1799 // Вопросы истории. 1981. № 1; Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I // Вопросы истории. 1993. № 4 и др.)

Диссертация написана хорошим языком, внятно, логично, порой увлекательно. Некоторые небрежности в тексте (в частности, отсутствие инициалов у «братьев Паниных» и «князя Щербатова» на стр. 148) легко исправимы. Невозможное выражение «великий князь Павел I» также должно быть исправлено; впрочем, в тексте это единственный замеченный подобный случай.

В целом, диссертация Ю.Э.Арискиной – хорошая, зрелая работа вполне состоявшегося исследователя. Многие суждения и наблюдения автора вдумчивы и оригинальны и при этом хорошо аргументированы и убедительны.

Сделанные замечания не принципиальны и носят скорее дискуссионный и технический характер и нацеливают на продолжение данного исследования.

Текст автореферата отражает содержание работы, равно как и опубликованные статьи, три из которых напечатаны в рецензируемых ВАК изданиях.

Диссертация «Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I», выполненная на высоком профессиональном уровне, соответствует пунктам «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Арискина Юлия Эдуардовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Официальный оппонент –
Доктор исторических наук,
Главный научный сотрудник
Федерального бюджетного учреждения
культуры «Государственный Исторический
музей (ГИМ)»

Бокова Вера Михайловна

Адрес: 109012, Москва, Красная пл., 1

Телефон: 8 (495) 698-19-05

E-mail: verabokova1@rambler.ru

24 апреля 2015 г.

Бокова Вера Михайловна
удостоверяю